

*Для тех,
кто рассказывает истории о привидениях...
и для тех, кто в них верит.*

У каждого дома есть своя история и свой секрет.

Обои в столовой могут скрывать пометки карандашом с ростом детей, живших здесь десятки лет назад. А под выцветшим линолеумом может быть дерево, по которому когда-то ходили солдаты революции.

Дома всегда меняются. Слой краски. Ряды ламината. Новые ковры. Они скрывают истории и секреты до тех пор, пока кто-то не придет, чтобы их раскрыть.

Это я и сделаю.

Меня зовут Мэгги Холт. Я дизайнер и во многом историк. Я раскапываю историю каждого дома и пытаюсь вытащить ее наружу. Я горжусь своей работой. У меня хорошо получается.

Я слушаю.

Я учусь.

Я использую это знание, чтобы спроектировать интерьер, который, при всей своей современности, все равно говорит о прошлом дома.

У каждого дома есть история.

Наша же история о привидениях.

И еще это ложь.

И теперь, когда еще один человек умер в этих стенах, наконец-то пришло время рассказать правду.

Дом ужасов
Реальная история

Юэн Холт

Изд. Мюррей-Гамильтон
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Пролог

1 июля

— Папочка, надо проверить, нет ли призраков.

Я застыл в дверях спальни дочери, поражаясь, как и все родители, когда их ребенок говорит что-то настолько сбивающее с толку. Пожалуй, с тех пор как Мэгги исполнилось пять лет, надо было уже привыкнуть. Но я не привык. Особенно с такой-то неожиданно странной просьбой.

— Надо?

— Да, — настойчиво ответила Мэгги. — Я не хочу, чтобы они были у меня в комнате.

До этого момента я и не подозревал, что моя дочь знает, кто такие призраки, не говоря уж о том, чтобы бояться их у себя в комнате. Больше одного, судя по всему. Я обратил внимание на выбор ее слов.

Они.

Я винил в этом наш новый дом. К тому времени мы пробыли в Бейнберри Холл почти неделю — вполне достаточно, чтобы заметить его странности, но недостаточно, чтобы привыкнуть к ним. Стены, как будто меняющиеся местами. Шум в ночи. Вентилятор на потолке, который,

когда возвращался на полной скорости, походил на щелканье зубов.

Мэгги, восприимчивая, как и любая девочка в ее возрасте, явно с трудом ко всему этому привыкала. Накануне вечером, перед сном, она спросила меня, когда мы вернемся в наш старый дом — унылую и тусклую двухкомнатную квартиру в Берлингтоне. Теперь мне предстоит сразиться с призраками.

— Пожалуй, не помешает, — сказал я, потакая ей. — Откуда начать?

— Под кроватью.

Тут ничего удивительного. У меня был такой же страх, когда я был в возрасте Мэгги — я не сомневался, что-то ужасное прячется в темноте в нескольких дюймах ниже того места, где я сплю. Я опустил на четвереньки и быстро заглянул под кровать. Там скрывались лишь тонкий слой пыли и одинокий розовый носок.

— Все чисто, — объявил я. — Где дальше?

— В шкафу, — сказала Мэгги.

Я так и догадался, поэтому уже шел к шкафу. Эта часть дома — получившая название «крыло Мэгги», потому что в нем находилась не только ее спальня, но и прилегающая к ней игровая комната — располагалась на втором этаже под наклоном крыши. Из-за скошенного потолка одна половина старой дубовой двери шкафа тоже была скошена и из-за этого неуловимо напоминала вход в сказочную избушку. И это была одна из причин, почему мы решили, что здесь должна жить Мэгги.

— В шкафу ничего, — сказал я, театрально дергая за цепочку, чтобы включить лампочку в шкафу, и проверяя все между вешалками. — Еще где-нибудь?

Мэгги направила дрожащий указательный палец на массивный гардероб, который стоял на страже в нескольких футах от стенового шкафа. Это была реликвия дома, вещь из прошлого. Странная. Выше восьми футов. Его

узкое основание постепенно расширялось до внушительной середины, а затем внезапно сужалось к вершине. Его венчали резные изображения херувимов, птиц и плюща, выщегося по углам. Я подумал, что, как и дверца шкафа, он создает в комнате Мэгги особую, сказочную атмосферу. Что-то, напоминающее о путешествиях в Нарнию.

Но когда я приоткрыл двойные дверцы шкафа, Мэгги глубоко вдохнула, готовясь к тому ужасу, который она сама себе придумала.

— Ты уверена, что хочешь его открыть? — спросил я.

— Нет, — Мэгги замолчала, а потом передумала. —

Да.

Я распахнул дверцы, скрывающие за собой лишь несколько платьев с оборками, которые моя жена купила в надежде на то, что наша девчонка-сорванец когда-нибудь будет их носить.

— Тут пусто, — сказал я. — Видишь?

Мэгги заглянула за дверцы с кровати, а потом облегченно выдохнула.

— Ты же знаешь, что призраков не существует, да? — спросил я.

— Ты ошибаешься, — Мэгги поглубже залезла под одеяло. — Я их видела.

Я взглянул на свою дочку, пытаюсь не выглядеть шокированным, хотя так и было. Я знал, что у нее развитое воображение, но я и не думал, что *настолько*. Она даже видела несуществующие вещи и верила в их реальность.

И она правда верила. Я это видел в ее взгляде, в уголках ее больших глаз собирались слезы. Она верила, и это ее ужасало.

Я сел на краешек ее кровати.

— Призраков нет, Мэг. Если не веришь мне, то спроси маму. Она ответит тебе то же самое.

— Но они есть, — настаивала Мэгги. — Я их все время вижу. И один из них разговаривает. Мистер Тень.

Райли Сейгер

По моей спине пробежал холодок.

— Мистер Тень?

Мэгги ответила отрывистым, испуганным кивком.

— И что же говорит мистер Тень?

— Он говорит... — Мэгги сглотнула, изо всех сил стараясь сдержать слезы. — Он говорит, что мы тут умрем.

Глава первая

Как только я захожу в офис, я понимаю, как все пойдет. Такое уже было. Столько раз, что не сосчитать. И хотя у всех этих случаев слегка разные вариации, итог всегда один. На этот раз я и не ожидаю ничего нового, особенно когда секретарша расплывается в улыбке, в ее глазах мелькает узнавание. Очевидно, она хорошо знакома с Книгой.

Величайшее благословение нашей семьи.

А также самое большое проклятие.

— У меня назначена встреча с Артуром Розенфельдом, — говорю я. — Меня зовут Мэгги Холт.

— Конечно, мисс Холт, — секретарша быстро окидывает меня взглядом, сравнивая и противопоставляя маленькую девочку, о которой она читала, с женщиной, стоящей перед ней в потертых ботинках, зеленых брюках-карго и фланелевой рубашке, испещренной опилками. — У мистера Розенфельда сейчас звонок. Он будет здесь через минуту.

Секретарша — по имени Венди Дэвенпорт, судя по табличке на столе — показывает на кресло у стены. Я сажусь, а она все продолжает поглядывать в мою сторону. Я пред-

полагаю, что она оценивает шрам на моей левой щеке — бледный надрез длиной в пару сантиметров. Он довольно знаменит, если подумать.

— Я читала вашу книжку, — заявляет она очевидное.

Я не могу не исправить ее:

— Вы имеете в виду книгу моего папы.

Это распространенное заблуждение. Хоть мой отец и числится единственным автором, все считают, что мы все внесли свою лепту. И хотя это может быть правдой, если говорить о маме, но я же не играла в создании Книги абсолютно никакой роли, несмотря на то что была одним из главных персонажей.

— Мне очень понравилось, — продолжает Венди. — Когда я не была напугана до смерти, конечно.

Она делает паузу, и я внутренне сжимаюсь, зная, что последует дальше. Оно ведь всегда следует. Каждый чертов раз.

— Каково это? — Венди наклоняется вперед, пока ее пышная грудь не прижимается к столу. — Жить в том доме?

Вопрос, который неизбежно возникает всякий раз, когда кто-то связывает меня с Книгой. К этому времени у меня уже есть готовый ответ. Я рано поняла, что без него никак не обойтись, поэтому всегда держу его под рукой, как очередной инструмент в моем ящике.

— Я почти ничего не помню из того времени.

Секретарша вздергивает одну слишком выщипанную бровь.

— Совсем ничего?

— Мне было пять, — говорю я. — У вас много воспоминаний с этого возраста?

По моему опыту, на этом заканчивается пятьдесят процентов разговоров. Просто любопытные понимают намек и отстают. Но болезненно заинтересованные так просто не сдаются. Я подумала, что Венди Дэвенпорт, с ее рюмя-

ными щеками и дорогой одеждой, относится к первой группе. Оказывается, я ошиблась.

— Но это же было так ужасно! То, что пришлось пережить вашей семье, — говорит она. — Я бы точно запомнила хоть что-то.

У меня есть несколько заготовленных вариантов ответа. Если бы я была на вечеринке, расслабленная и добрая после парочки коктейлей, я бы поддалась и просто ответила: «Я помню, что все время боялась, но не знала почему».

Или: «Наверное, я была так испугана, что мозг просто заблокировал воспоминания».

Или самое любимое: «Некоторые вещи слишком ужасны, чтобы их помнить».

Но я не на вечеринке. И я не расслаблена и не добра. Я у адвоката, и мне вот-вот передадут наследство моего недавно умершего отца. Мой единственный выбор — быть прямолинейной.

— Ничего не было, — говорю я Венди. — Мой папа все это придумал. И когда я говорю «все это», я и имею в виду все это. В этой книжке все вранье.

Выражение лица Венди меняется с широко распахнутых любопытных глаз на что-то более жесткое и мрачное. Я разочаровала ее, хотя она должна быть благодарна, что я говорю правду. Вот мой отец никогда не считал это необходимым.

Его версия правды сильно отличалась от моей, хотя у него тоже был готовый ответ, сценарий которого никогда не менялся, с кем бы он ни говорил.

«Я врал насчет многих вещей за всю мою жизнь», — сказал бы он Венди Дэвенпорт, излучая харизму. — «Но то, что случилось в Бейнберри Холл — не одна из них. Каждое слово в этой книжке правда. Клянусь Всевышнему».

Это соответствует публичной версии событий, которая звучит примерно так: двадцать пять лет назад моя семья

жила в доме под названием «Бейнберри Холл», расположенном недалеко от деревни Бартлби, штат Вермонт.

Мы въехали 26 июня.

Мы сбежали глубокой ночью 15 июля.

Двадцать дней.

Вот сколько мы могли прожить в этом доме, пока не стали напуганы до такой степени, что не могли оставаться там ни минуты.

«Там небезопасно», — говорил полиции мой отец. «Что-то не так с Бейнберри Холл. Там происходят необъяснимые вещи. *Опасные* вещи».

«В доме, — неохотно признал он, — обитает злобный дух».

Мы поклялись никогда не возвращаться.

Никогда.

Это признание — зафиксированное в официальном полицейском отчете — заметил репортер местной газеты, прославленной брошюры, известной как «*Бартлби Газетт*». Последовавшая за этим статья, включающая в себя множество цитат моего отца, вскоре была подхвачена радиостанцией штата и попала в крупные газеты в больших городах. Берлингтон, Эссекс и Колчестер. Оттуда она распространилась как зловещий холод, из деревушки в деревушку, из города в город, из штата в штат. Примерно через две недели после нашего побега нам позвонил редактор из Нью-Йорка и предложил рассказать нашу историю в книге.

Поскольку мы жили в мотеле, где пахло затхлым дымом и лимонным освежителем воздуха, отец ухватился за это предложение. Он написал книгу за месяц, превратив крошечную ванную комнату мотеля в импровизированный офис. Одно из моих самых ранних воспоминаний — он сидит боком на унитазе и стучит по пишущей машинке, стоящей на туалетном столике.

Остальное — опубликованная история.

Мгновенный бестселлер.

Феномен.

Самый популярный «настоящий» отчет о паранормальных явлениях со времен «*Ужаса Амитивилля*».

На какое-то время Бейнберри Холл стал самым известным домом в Америке. Об этом писали журналы. Новостные шоу делали репортажи. Туристы собирались у кованых железных ворот поместья, чтобы взглянуть на крышу или на солнечный свет, отражающийся от окон. Даже в «*Нью-Йоркере*» об этом писали, потому что сняли мультфильм, который вышел через два месяца после того, как Книга попала в магазины. В мультике пара разговаривала с риэлтором возле полуразрушенного дома.

— Нам нравится, — сказала жена. — Но достаточно ли здесь привидений, чтобы написать книгу?

Что касается меня и моей семьи, то мы были повсюду. В журнале «*Пипл*» мы втроем мрачно смотрели на дом, куда отказывались входить. В «*Тайм*» мой отец уже сидел в тени и смотрел на него с явным зловещим видом. По телевизору моих родителей либо жалели, либо допрашивали, в зависимости от интервьюера.

Сейчас же любой желающий может зайти на ютуб и посмотреть клип, где мы даем интервью в «*60 минут*». Вот они мы — идеальная семья. Мой папа — лохматый, но красивый, щеголял бородой, которая войдет в моду только через десять лет. Моя мама — хорошенькая, но выглядящая немного суровой, напряженность в уголках ее рта намекает, что она не совсем в курсе ситуации. И еще я. Голубое платье с оборками. Лакированные туфли. Черная повязка на голове и очень прискорбная челка.

Во время интервью я почти ничего не говорила. Я просто кивала, качала головой или робко прижималась к маме. Кажется, мои единственные слова в течение всего интервью — «Мне было страшно», хотя я не помню, как боялась. Я ничего не помню о наших двадцати днях в Бейнберри Холл. А то, что я помню, окрашено Книгой. Вместо воспо-